

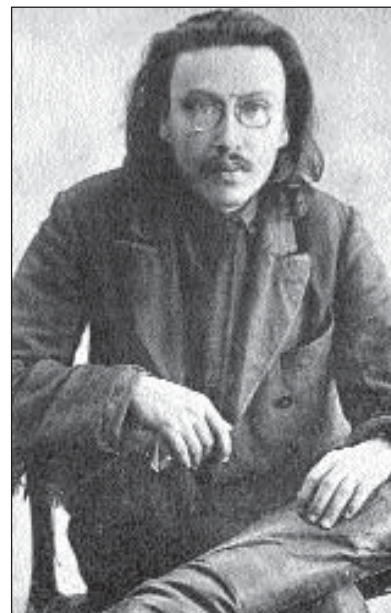
Находка в личном архиве Г.А.Попова: к биографии поэта П.Черных–Якутского*

(Публикация документа)

Л.Н.Жукова

Личные архивы исследователей зачастую аккумулируют в себе многие интересные документы – свидетельства их собирательской, розыскной работы. В полной мере это относится к личному архиву одного из первых профессиональных историков Якутии Григория Андреевича Попова. После смерти историка в ИТЛ «Долинка» Карагандинской области, архивы мужа хранила супруга, учительница начальных классов Мария Яковлевна Попова, затем дочь, преподаватель русского языка и литературы Августа Григорьевна Попова, в настоящее время архив находится у внучки, историка Людмилы Николаевны Жуковой. Более пятидесяти лет в этом архиве хранилась

П.Черных–Якутский

Людмила Николаевна
Жукова,
к.и.н., с.н.с. ИГМНС СО РАН.

* Редколлегия журнала решила опубликовать этот документ, предложенный Л.Н.Жуковой, и, кроме него, чтобы познакомить читателей с творчеством подзабытого, на наш взгляд, поэта статью сотрудницы ИГИ АН РС(Я) Ж.В.Бурцевой о его творчестве (см. с. 112–114).

рукопись кандидата богословия Прокопия Прокопьевича Явловского «Летопись города Якутска от основания его до настоящего времени» (1632–1914), пока не была опубликована сначала в газете «Якутск вечерний», а затем в виде иллюстрированного двухтомника при финансовой поддержке правительства республики и издательства «Якутский край».

И вот новая находка. Автобиография известного в прошлом поэта, жившего в Якутске в начале XX в. Тонкая с пожелтевшими страницами ученическая тетрадь в косую линейку подписана: «Петра Черных-Якутского», в ней тяжело больной человек описы-

вает пройденный нелегкий жизненный путь. Дата написания автобиографии отсутствует, но можно полагать, что она близка к 1927 г., когда о поэте на страницах журнала «Якутские зарницы» известный краевед и художник Пантелеймон Васильевич Попов писал: «Петр Никодимович Черных как поэт известен не в той мере, в какой следовало бы его знать по его дарованию. Широкий круг читающей публики с поэзией его знаком лишь по тем стихотворениям, которые выходили в течение почти двадцати лет на страницах местных газет и журналов и в виде двух небольших сборников. Между тем, это далеко не все,

что создано поэтом. Имеется у него еще множество рукописей, известных лишь небольшому кругу близких к нему лиц. Эти еще не опубликованные рукописи заключают в себе наилучшие его поэтические произведения и, хотя принадлежат к раннему периоду творчества Петра Никодимовича и написаны в обстановке сумрачных дней царизма, идеологически прогрессивны, революционно насыщены, обнаруживают много ярких эмоций и призывов к борьбе...»¹. О поэте-лирике и поэте-революционере лучше всего расскажут страницы его автобиографии.

Автобиография Петра Черных–Якутского

Б.г.

Родился в с. Иньском Охотского округа Приморской области 13 марта 1882 года.

Отец мой – священник Иньской церкви Никодим Иларионов[ич] Черных, сын священника Тауйской церкви Илариона Леонтиевича Черных. Жена Леонтия Черных, Татьяна Исаевна, – дочь кавказского татарина, принявшего православие и женившегося на грузинке. Так что в моих жилах текут три крови: русская, татарская и грузинская.

Мать моя якутская мещанка Александра Васильевна, урожденная Сыроватская, сестра небезызвестного начальника местной тюрьмы Сыроватского, расстрелянного в 1920 году. Предки моей матери – выходцы из России (из Великого Устюга).

Отец учился в Якутской духовной семинарии. Когда же она сгорела, был отправлен в Иркутскую семинарию для окончания курса, которого он все-таки не окончил вследствие болезни.

Мать простая неграмотная женщина, воспитанная в объякутевшей [ся] мещанской семье, каких немало у нас в Якутске.

Раннее детство мое прошло в Иньском селе, где отец мой состоял священником до 1889 года, в котором был переведен в г. Охотск и назначен благочинным охотских церквей.

Детство мое было нерадостным и тяжелым. Во-первых, потому, что, когда мне было два с половиной года, я сильно заболел воспалением легких. Благодаря уходу, бдительности моей матери я остался живым. Но болезнь эта оставила после себя глубокие следы, результаты которых пожинаю я теперь, умирая от злого туберкулеза легких.

После заболевания в детстве я навсегда остался болезненным и хилым и рос под страхом нового заболевания, постоянно простужаясь и кашляя.

Во-вторых, детство было тяжелым потому, что семейная обстановка, в которой я находился, была слишком ненормальной. Родители мои постоянно враждовали между собою и иногда годами не разговаривали друг с другом. Отец мой был настоящим алкоголиком и жил на свете только благодаря тому, что жил в таком месте, куда доступ спиртным напиткам был довольно затруднителен. В противном случае он давно бы сгорел от водки.

Родители мои жили очень недружно. Отец иногда избивал до полусмерти мою мать, вырывая космами волосы и серьги из ушей с кусочками тела. В таком кошмаре протекало мое детство. И вполне понятно, что эта нездоровая обстановка семейной жизни наложила глубокий тяжелый отпечаток на

мою душу и душа стала болезненно впечатлительной в те далекие годы детства. Я рос одиноким болезненным ребенком, замкнутым в себя. Товарищей у меня почти не было, если не считать моей родной сестры, которая была младше меня на два года.

Рожденный в религиозной семье, я был очень религиозным. В детстве я домаливался до экстаза, находясь в котором, я так ясно чувствовал присутствие бога. В те детские годы религия давала много пищи моему уму и поддерживала меня в моих горестях и невзгодах.

Так проходили первые детские годы в селе Иня. Здесь отец начал учить меня азбуке. В 1889 г. мы переехали в г. Охотск. Приблизительно с этого времени я помню свое детство очень четко. Атмосфера родительских взаимоотношений нисколько не изменилась. Но я год от году, делаясь старше, начал многое понимать, что раньше было недоступно моему детскому уму. Был нанят для меня учитель, у которого я учился грамоте вместе с сыном окружного начальника. Научившись читать, я с жадностью набросился на чтение книг. Попадались преимущественно сказки, но вообще книг было мало, а детских в особенности. Отец брал из библиотеки земского управления толстые журналы: «Исторический вестник», и «Вестник Европы», и «Ниву» с приложениями. Среди последних однажды попал томик стихотворений Ломоносова. Это был первый поэт, с которым мне пришлось познакомиться. Меня очень заинтересовали стихи. И ими я сразу увлекся. Меня очень поразила их музыкальность.

К этому времени относится моя первая детская любовь к дальней моей родственнице, девочке приблизительно одинаковых со мною лет. Девочку эту я встречал в том же доме начальника округа, где я учился. Конечно, любовь была чисто-детская, наивная и смешная. Я о ней бы, вероятно, и не вспомнил бы теперь, если бы она в то время не вдохновила бы меня написать мое первое стихотворение. Всего стихотворения я теперь не помню. В памяти сохранилась лишь одна единственная строфа, которую привожу здесь, чтобы показать насколько безукоризненно правильным и четким был его ритм-метр, а также и рифмы.

«Как якорь, на сердце легла,
Пронзила меня, как копьё,
Пришла к себе, как игла.
Забить не могу я ее».

Совершенно правильный усеченный трехстопный амфибрахий

| - - - | - - - | - - - |

Рифмы: «легла — игла, копьё — мое» — отличные. Кроме того, поэтические образы «как якорь», «как копьё», «как игла» (без которых стихи не являются поэзией), говорят о том, что даже в то время, когда я не имел никакого понятия о теории и отличительных чертах поэзии, мое мышление было уже образным, чем и отличается мышление поэта от мышления прозаика.

Как не смешны и наивны излияния чувств 9-летнего мальчика к даме своего сердца, но они характерны как первые шаги начинающего поэта, совершенно не имеющего ни малейшего представления о теории стиха.

В этот же период написано было еще одно стихотворение, но оно забыто.

В этот период встретились мне арабские сказки «1001 ночь», которые произвели на меня глубокое впечатление, и с этих пор русские сказки потеряли для меня свою прелесть.

Суровая природа Приморского края с ее холодными туманными летними месяцами и с зимними пургами страшно отражалась в моей душе. От этой чахлой флоры, от этих хмурых небес, летом все время покрытых пеленою туч, веяло в душу каким-то кошмарным холодом. Вечерами, когда восточный край неба темнел какою-то каменной стеной, меня охватывала какая-то тоска и жуть безотчетная. Становилось чего-то страшно. И теперь, вспоминая эти ощущения, я четко чувствую ту детскую жуть.

Вообще природа везде и всегда страшно действовала на меня, моя душа звучала в унисон с ее проявлениями. Моя душа как будто была смешана и слита с нею. И я нисколько не лгал, когда позже писал:

ОХОТСКУ

О, край мой далекий, над морем бушующим
Стоишь ты нахмуренный, одетый туманами,
Дождливые тучи плывут караванами,
И грустно, и сумрачно под небом тоскующим.

*Холодные скалы чудесными замками
Теснятся у берега, под темною тучею
И море раздвинулось безбрежными рамками,
И дышит и стелится равниной кипучею.*

*

*Корявый кедровник кустами несмелыми
К земле припадая, ползет — извивается:
Вверху буревестников крик разливается
И носятся чайки намеками белыми
И тихо звучит моя песня печальная
В груди наболевшей, истерзанною думою,
Где чуткое сердце, как море зеркальное
В себе отразило природу угрюмую*

Это стихотворение очень характерно для описываемого периода и так ярко выражает то влияние природы на мою душу, о котором я только что говорил.

Так шла жизнь за эти годы — от 1889 до 1894 г.

В ноябре 1894 г. я с матерью и с сестрой приехал в Якутск. Здесь я поступил в 1-й класс Якут[ско-го] духовн[ого] училища. Отец остался в Охотске. Мы поселились у родственников. Начался новый период жизни. Учился я посредственно. Мог, конечно, учиться лучше, но, во-первых, мешало нездоровье, во-вторых — чтение посторонних книг. Чтение книг я отдал все свое свободное время, читая даже за обедом и чаем. Мать бранила, пугала чахоткой. Боялся чахотки, но... читал, читал, читал.

Жили бедно, в старом холодном (зимой 9° Р.) дымном домишке, с вставленными в окна вместо стекол льдинами. Кругом дуло. Углы куржавели. Русская печь плохо грела. Потолок был низким. Кубатура воздуха была самая антигигиеничная. Отец высылал деньги очень нерегулярно. Отказывали себе во многом. Мать работала над выделкой мехов. Воздух в доме в смысле «благоприятствования воздуха» был самый, что ни на есть «антирелигиозный», хотя весь передний угол был битком набит изображениями святых. Плохо помогали «боженьки»-то. Отдушника открывать было нельзя — дьявол вытягивал последнее тепло. Постоянно болели бока. Кашлялось. Болела грудь, горло. Лечиться — не было денег. Стол был очень бедный. Сестра сравнительно со мной здоровая при такой жизни тоже расстроила себе здоровье, и теперь немногим лучше меня. Также болеет легкими. Больше десяти лет прожили в этом доме. Наконец, отец перевелся в с. Дулгалах Верхоянского округа. У меня развился порок сердца. Доктор Сабунаев приговорил меня к смерти. Я вышел из семинарии из философского класса. Года два провел отдыхая. Наконец на 3-й год поступил на службу в Епархиальное Попечительство о бедных духовного звания по 10 рублей в месяц. Эксплуатировался мой труд во всей полноте секретарем М.В. Охлопковым, прозванным семинаристами Носорогом Тимофеевичем. Так прошло три-четыре года. Во время Романовки я лежал больным бронхитом. Когда началась стрельба, я [по]бежал на угол Советской (автор дает название, современное времени написание автобиографии. — Ред.), но городовые не пустили. Результатом прогулки получил воспаление легких.

Раньше я слышал о так называемых политических ссыльных, которые якобы хотели царя убить. Так говорили мои родственники. Но я мало обращал на них внимания. Однажды в кругу родных говорилось об одном знакомом, и кто-то бросил фразу: «Погибший он человек. Говорят, он сошелся с социалистами». Слово «социалистами» было произнесено зловещим шепотом и притом с таким выражением, что у меня получилось впечатление, что «социалист» это что-то вроде людоеда что ли.

Во время Романовки впервые конкретно предо мной встал вопрос: «Что это за люди, которые из-за каких-то идей обрекли себя на верную смерть?» И желание узнать, в чем тут дело, вспыхнуло во мне с большой силой. Начал интересоваться, расспрашивать публику. Сталкивался на службе с закоренелыми черносотенцами, и ответы получались самые ужасные, но это не удовлетворяло. И в глубине души что-то жгуче протестовало, билось, не желая примириться с тем, что тут недалеко убиваются люди, кто бы они не были по своим политическим убеждениям. Прошел год, другой... Я от живших в одном со мною дворе семинаристов узнал, что в городе основались нелегальные кружки, в которых под руководством политических ссыльных читаются какие-то запрещенные книги. Я очень этим заинтересовался и решил как-нибудь попасть в эти кружки. Этого долго не удавалось сделать, ибо туда попадали только под поручительство надежных лиц. Отец мой умер.

В скором времени после этого я познакомился и сблизился с одним из самых развитых семинаристов того времени — Сергеем Голованенко (ныне профессор, проживает в Ярославле). Мы с ним скоро сблизились и сделались большими приятелями и даже по тому времени друзьями. Сблизила нас поэзия и литература — он тоже начинал писать. В ту осень из России был переведен в Якутскую семинарию семинарист Молотилов. Возникла мысль издавать нелегальный ученический журнал.

Через посредство Сергея Голованенко я познакомился с четой политических ссыльных. Это были Эс-Эр — Любвин и Карпинская. Начали встречаться. Ходить к ним. Тут же встретились и чета Эс-дэков Бабякин и Левкович. Начались разговоры, беседы. Я прямо задал им вопрос, «что они за люди и так далее».

Одним словом: «Како веруеши?»

Им моя прямота очень понравилась, и мое любопытство было удовлетворено.

В этот период времени писать стихи стало моей насущной потребностью. Вообще же с тех пор как я в I-м классе семинарии познакомился с теорией стихотворчества, я к своим стихам начал относиться более сознательно, чем раньше, и у меня имелось штук 20–30 стихотворений, которые я по тому времени считал довольно приличными. Содержание их было элегическое. Тяжелая обстановка жизни, невзгоды и болезни, известно, настраивали мою Лиру на ультра-пессимистический лад. Поэзия имела характер субъективный. В моих стихах того времени преобладали картины природы в выраженных в них лирическими настроениями. Это в дореволюционный период времени; с приходом революции 1905 г. мой пессимизм значительно полинял, в них начали звучать ноты бодрости. Несколько позже стихи этого периода были изданы в моем сборнике «Тихие струны». В ученические кружки с приходом революции проникнуть мне удалось. Я попал в с-р-ский кружок, в котором была Лиза Лебедева, позже казненная по делу о покушении на Шеговитова. Она даже была моей родственницей, так как двоюродный брат мой, поп Серифим, был женат на ее единоутробной сестре.

За революцией 1905 г. пришла и черная реакция. Кружки ушли в подполье. Ученические журналы тоже. Помню мое стихотворение этого периода:

Не горюйте, друзья, что в неясной дали
Затуманилась зорька пурпурная,
Что опять ее тучи кругом облегли
И нахмурилось небо лазурное.
Что ей — тучи, друзья? Ведь они для нее
Только брызги росы водянистые.
А она — это блеск, это свет бытия
Это счастья лучи золотистые
Верьте, братья, что снова настанет пора
Разорвется завеса туманная
И опять загорит, заблестит, как вчера,
В небе утреннем зорька румяная.

Пришли в Якутск политические ссыльные. Среди них оказались поэты: Драверт (с. р.), Розеноэр (с. д.) и Сотонин (анарх. — индив.).

С первым и последним я был хорошо знаком; с последним были даже большими друзьями.

Со времен революции в Якутске начала выходить газета. Кажется, в конце 1906 года в ней был напечатан мой этюд «Под звуки непогоды». Тема: «Якут-сказочник в юрте». Это было первое мое произведение напечатанное.

Реакция сгустилась, как ночь. Кружки распались. Журналы погасли. Голованенко уехал в Россию. Я остался один. Молодежь разъединилась.

Стихи писать продолжал. Работа в попечительстве и в консистории продолжалась. Сестра вышла замуж. Мать умерла. Остался один.

В консисторию приехал новый секретарь — Львов, работавший в России по обвинению священника — литератора Григория Петрова.

Львов сразу произвел на служащих тяжелое впечатление.

В скором времени я из консистории с треском вылетел за грубость и неподчинение начальству и как вредный элемент. Я подозревался в доставлении в газету сведений из быта консисторской жизни.

Остался я безработным. В другие учреждения не принимали, считая меня вредным в политическом отношении человеком. О чем мне сообщил тов. прокурора Ин. М. Винокуров.

Дела были скверны. Пришлось жить впроголодь. По соседству жил политический ссыльный Павел Ерыгин, анархист-поэт-скульптор. Его положение было не лучше моего. У него к тому же еще была и

жена с дочерью. Мы сблизилась с ним. Он искал по городу репетиторство, и я переписку. Но оба терпели за частую фиаско. У него была лампа с керосином, но не было стекла, а у меня было стекло с лампой и не было керосина. Я рано утром, чтобы не попасть на глаза хозяйке, которой не платил... уже 5 месяцев, я, захватив в карман стекло выпрыгивал в створку [окна?] и шел к Ерыгину. Оттуда мы шли на поиски работы. Вечером я сидел у них до тех пор, пока моя хозяйка не ложилась спать. Тогда я взяв ламповое стекло и немного керосину прокрадывался домой и до поздней ночи писал свои стихи. А Ерыгины, оставаясь без лампового стекла, ложились спать. Мое положение становилось невыносимым. Пришлось продать кое-какие вещи. Между прочим, икону, которую для меня выписала моя мать. Кстати, к этому времени я сделался совершеннейшим атеистом. Так что икона для меня являлась излишнею роскошью.

Совсем бы было плохо, если бы не выручила начальница гимназии Е.Н.Кузнецова, давая мне переписку бумаг по канцелярии гимназии, и при этом, видя мое бедственное положение, платила мне втридорога. Но много ли работаешь поштучно с листа при таком мизерном делопроизводстве, как производство по гимназии.

Заработав 5 рублей и две недели сидишь без работы.

Так тянулись месяцы. Был временно корректором при газете. Стихи тогда не оплачивались ничем. Газета, издаваемая В. И. Николаевым, ссыльным (с.д.), дышала на ладан.

После отъезда в Россию секретаря консистории Львова, секретарем был назначен ныне благополучно здравствующий Ник. А. Држевинский. Я обратился к нему с просьбой принять меня опять в консисторию, но он отказал якобы за неимением места.

Но когда встретился где-то с моим приятелем Ерыгиным [и] сказал ему, что он не принял меня за то, что я не имею приличного костюма. А у меня действительно дела с одеждой были аховые. Две-три блузы с прорванными локтями, пиджачишко с прорезами под мышкой. А баранья шуба вся в лохмотьях. Так что собаки пугались на улицах, когда я проходил. Из нижнего белья оставалась одна целая рубашка и две с большими брешиками и робоинами.

И так значит:

«Чертог твой вижу, спасе мой, украшенный, но одежды не имам...

Такое тяжелое положение тянулось года два-три.

Очень много помогал мне в это время Сер. Голованенко, присылая мне деньги, благодаря которым я выходил из затруднительного положения по квартире, расплачиваясь с хозяйкой.

Так дотянул до осени 1916 г. Осенью поступил в городскую управу на жалованье 25 руб.

Затем пришла революция 1917 года.

Дела финансовые сравнительно поправились: стал получать 60–80 р.

После революции поступил в партию с.-р. Через год вышел из нее, в корне разочаровавшись в ней.

В 1918 году страшно заболел воспалением легких. Пролежал в постели 7 месяцев. Одновременно с этим потерял свой левый глаз.

Падение денег является опять началом материальных бедствий.

Так тянулось до лета 1921 года, когда ЯЦИК СНК взял меня на социальное обеспечение на счет НКТП??

Теперь сравнительно с прошлым живу я очень хорошо в смысле материальности.

Но зато здоровье из рук вон плохо.

После осеннего воспаления (3-е по счету) легких я до сих пор не выхожу, и туберкулез мой прогрессирует. Живу от осени до весны — от весны до осени... И жду когда подадут подводы *at patres*.

[...]

Личный архив Г.А.Попова. Рукопись, подлинник.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Попов Пант. Идеология поэзии Петра Черных-Якутского: К 25-летию литературной деятельности (1902–1927 гг.) // Якутские зарисовки. — 1927. — № 2. — С. 50–55 (начало); № 7. — С. 33–42 (окончание).

«Я – белый подснежник,
я – первый цветок...»

Ж.В.Бурцева

Жанна Валерьевна
Бурцева,
м.н.с. ИГИ АН РС(Я).

Петр Никодимович Черных—Якутский, один из первых крупных талантливых писателей Якутии, выразил стремления своей души на русском языке. В его творчестве уникально переплелись якутская и русская культуры, создав удивительный мир, хранящий в себе таинство двух языков, двух поэтических традиций. Своеобразное поэтическое мироощущение, философские размышления, представления о «вечных ценностях» исходят из неисчерпаемого духовного богатства и самобытной национальной ментальности автора. Поэта справедливо называют «певцом Якутии», для которого любовь к родной земле стала призванием сердца и судьбой всей жизни. Созидающим началом, творческим вдохновением, прочным фундаментом служи-

ла поэту духовная сила якутского народа. В своих воспоминаниях Черных—Якутский искренне подчеркивал, что становление его как поэта и писателя, несмотря на то, что создавал он свои творения на прекраснейшем русском языке, зарождалось в колыбели народного, эпоса, родной культуры, нравов и быта. Свое трогательное отношение к родине он выразил в следующем признании: «Вот колыбель моего детства, колыбель, овеянная буйными ветрами севера, колыбель, качавшаяся под мерный речитатив сказочника-олонхосута, родного якутского баяна».

Творческие искания П.Черных—Якутского литературоведы по праву определяют как основополагающие тенденции развития якутской поэзии, по достоинству оценивают серье-

езный вклад поэта в культуру якутского народа. Действительно, большинство опубликованных и оставшихся в рукописях произведений автора посвящено радостям и страданиям, счастьем и трагедиям родной земли. В поэме «Родная Якутия» поэт показывает целую панораму исторических событий: протест «романовцев», революцию 1905 г., Ленский расстрел 1912 г. Картины якутской действительности дореволюционного и советского периодов нарисованы автором с чувством настоящей тревоги за дальнейшую судьбу родины. Автор пафосно выражает свою веру в перемены, в лучшее будущее.

На творчество П.Черных оказывала огромное влияние русская классическая литература и якутский народный эпос. Имеется немало фактов, подтверждающих то, что поэт был большим знатоком и поклонником якутского устного народного творчества. Будучи еще мальчиком, П.Черных ездил с матерью к своим родственникам и там с упоением погружался в завораживающие рассказы народного сказителя. Видимо, поэтому истоком первого его крупного произведения «Под звуки непогоды» и явилось якутское олонхо — неиссякаемый источник народной мудрости. Он дебютировал 30 августа 1907 г. под псевдонимом Юрий Фиолетов в газете «Якутский край». Мотивы якутского олонхо послужили метафорической и символической основой произведения. Образы, навеянные якутским эпосом и уникальным мастерством сказителей из народа, не покидали поэта всю жизнь. Это заметно во многих его произведениях. Значительное время своей

творческой деятельности Черных—Якутский уделял изучению героического эпоса, былин и сказок. В неопубликованных рукописях писателя встречаются глубокие и поучительные размышления поэта о народной философии добра и зла, любви и ненависти, жизни и смерти.

Петр Черных всегда пламенно призывал к знанию шедевров народного творчества и в своих публицистических работах непрестанно говорил о их великой ценности и важности. В 1930-м году в неопубликованной статье «О якутском народном творчестве» он писал: «Если некоторые европейцы думают, что наша якутская поэзия (поэзия отсталого в культурном отношении народа) бледна, не имеет творческой фантазии и лишена поэтических образов, то они жестоко ошибаются». Чтобы ознакомить широкий круг читателей с якутским фольклором, Петр Черных принимается за поэтический перевод известного якутского олонхо «Хаан Дьаргыстай», но успевает перевести только часть этого олонхо, опубликованную в 1945 г. в «Избранном» под названием «Юрюн уолан» («Белый юноша»). Исходя из этого, можно сделать вывод, что Черных—Якутский безукоризненно владел якутским языком. Ему принадлежат переводы с якутского на русский произведений, требующих тончайшего знания языка оригинала. Сделанный им перевод поэмы «Красный шаман» высоко оценил ее автор П.Ойунский: «Переводом весьма удовлетворен. Такой перевод был возможен лишь потому, что за него взялись два таких лица (П.Черных и А.Бояров), которым хорошо известна мифоло-

гия и народное творчество, которые не хуже владеют, чем автор, якутским языком и языком якутской поэзии».

Большим событием в жизни П.Черных была беседа с М.Горьким. В августе 1928 г. М.Горький принял поэта в Москве, и между ними состоялась продолжительная беседа по вопросам якутской литературы. М.Горький интересовался характером, содержанием и формой якутской литературы. При этом он заметил, что в якутской литературе мало прозы: рассказов, повестей и романов и, считая это недостатком, указал на необходимость создания якутской прозы. М.Горький договорился с П.Черных о переводах произведений якутских авторов на русский язык для журнала «Советская страна» (позже названной «Наши достижения») и попросил привлечь к участию в альманахах писателей и поэтов Якутии.

В те же годы П.Черных пишет очень интересный рассказ «Страшное лекарство» из жизни якутского бедняка, проявив себя даровитым прозаиком. В это время стихотворение Петра Черных «Непрерывка» заняло второе место в конкурсе московской газеты «Пролетарий» на лучшее стихотворение.

Повесть Черных—Якутского «В тайге», судя по рукописным материалам, должна была охватить большой исторический отрезок времени — с 1905 г. и до окончания Гражданской войны, но последняя часть произведения осталась незавершенной. Автор погружает читателей в сложный, в каком-то смысле экзотичный мир якутского улуса, отображает историческое влияние ссыльных на идейное сознание якутов. Стиль повествования

отличает ритмичность, экспрессивность, музыкальность пейзажей, высокая патетика.

Имеются сведения о том, что П.Черных занимался переводами на якутский язык произведений М.Горького. В переписке с друзьями П.Черных выражает восторженное отношение к таланту В.В.Маяковского.

Среди множества неизданных рукописных материалов Черных-Якутского, хранящихся в фондах Якутской республиканской библиотеки имени А.С.Пушкина, есть тетрадь с дневниковыми записями, название которых сразу же создает романтический ореол: «Шорохи Сергеляхского леса. Дневник мечтателя» (1913). Эти лиричные живописные за-

рисовки таинств и загадок осеннего леса впечатляют особой откровенностью, утонченностью восприятия окружающего мира, чуткостью к дыханию живой природы. Только несомненно талантливый художник легким пером способен так тонко запечатлеть столь невероятно прекрасные одухотворенные образы капризной красавицы-осени. Драматичная возвышенность взглядов на мир реализуется поэтом в выборе этих нежных лирических картин, ярких, красочных, изобразительно-выразительных средств.

Лиро-эпический жанр был особенно близок Петру Черных—Якутскому. Свидетельствуют об этом его замечательные поэмы. Масштабная фор-

ма поэмы позволяла полно показать противоречивый характер времени, трагическую и жизнеутверждающую сущность эпохи. Лирическая поэма «Светлана» выделяется своей потрясающей звучностью, побуждающей любить весь мир, воспевать свежесть весеннего пробуждения.

Образ самого поэта похож на первый цветок весны, народного первенца, выросшего в стране холодных снегов и злобных ветров. Трудная судьба народа отражалась на его личной судьбе. Путь поэта был тяжел и тернист. И, кажется, что иногда чистое сердце поэта разрывалось в непосильной борьбе и во мраке тянулось к божественному свету.

Я — белый подснежник, я — первый цветок
Я в поле расцвел одинок...

Кто-то вдохнул в мое сердце святую надежду,
Что не погибнет цветок молодой на вершине
И, разорвав серебристую снега одежду,
Он вознесется к горящему солнцу в лазури.

И влечет безумно к счастью
В этой дымке, в этой мгле
Бьется жгучею волною,
Закипает в сердце кровь...
Загоряется над землею
Жизнь, и счастье, и любовь.